

Тан Ли, молодой актер нового поколения, прославившийся благодаря популярному актерскому шоу, больше всего гордился своим мастерством. Оценки на подобных телепроектах вряд ли стоило считать абсолютной истиной, но победу ему присудили авторитетные режиссеры. Вес их имен и культовых фильмов за плечами послужил отличной опорой: в глазах публики талант Тан Ли уже казался неоспоримым, поднимая его далеко над прочими новичками.

Столь легкий старт неизбежно вскружил ему голову, породив излишнюю самоуверенность.

Днем снимали в основном совместные сцены Киноимператора Е и Тан Ли. Тан Ли держался неплохо, хотя порой и терялся на фоне мощной игры Е Вана. Тем не менее после долгих наставлений режиссера Сюй Куня он успешно справился со своей сегодняшней задачей.

Без трудностей, конечно, не обошлось: количество его запоротых дублей побило все рекорды с начала съемок. Персонал на площадке заметно раздражался. Вслух никто ничего не говорил, но Тан Ли прекрасно все чувствовал. Впрочем, мнение рабочих его не волновало — все его внимание занимал исключительно Киноимператор Е.

Сыграть в первом же фильме бок о бок с Киноимператором Е — невероятная удача. Тан Ли до смерти боялся, что бесконечные неудачи утомят партнера по площадке, поэтому едва прозвучала команда «снято», он поспешил с извинениями.

— Киноимператор Е, мне так неловко. Простите, что вам пришлось столько возиться со мной на репетициях.

Он то и дело кланялся, напуская на себя самый искренний и покорный вид.

— Я обязательно соберусь и в следующий раз буду внимательнее...

Выпалив это на одном дыхании, он поднял глаза на Е Вана, но тот лишь загадочно прищурился, а его взгляд слегка потемнел.

Тан Ли на миг растерялся, но тут же обрадовался. Быстро выпрямившись, он ослепительно улыбнулся своей фирменной, давно отрепетированной улыбкой. Он привык гордиться своей внешностью, считая себя лучшим среди молодых актеров, и всегда старался показать себя с наиболее выгодной стороны.

Е Ван, заметив его маневр, тихо усмехнулся.

— Удачи, — очень медленно, почти по слогам произнес он.

Одарив парня многозначительным взглядом, Е Ван развернулся и ушел.

Улыбка Тан Ли сползла, оставив его в полном недоумении.

Он застыл в неловкости. Заметив, что на него косятся сотрудники съемочной группы, он поспешно взял себя в руки и снова сладко улыбнулся. Потоптавшись на месте, Тан Ли прихватил сценарий и поспешил к режиссерскому монитору, якобы за советом.

Режиссер Сюй Кунь любил трудолюбивых актеров, а потому встретил его благосклонно и даже похвалил. Тан Ли так и сиял, усердно разыгрывая скромность. Однако стоило режиссеру увлечься объяснениями, как тишину бесцеремонно нарушила трель мобильного телефона Тан Ли.

Сбитый с мысли режиссер недовольно нахмурился. Тан Ли испугался еще сильнее. Он вытащил телефон с намерением сбросить вызов, но, увидев имя на экране, замялся. Забегав глазами, он нерешительно приоткрыл рот.

Режиссер Сюй Кунь сухо кашлянул, отложил сценарий и потянулся к чашке с чаем.

— Уже поздно, скоро придет ужин. Идите пока отдыхать, — ровно произнес он.

Хотя слова предназначались всей съемочной группе, любому было ясно, в чей огород этот камень.

Тан Ли, ловя на себе косые взгляды, совсем растерялся, но проигнорировать вызов не смел.

— Хорошо, спасибо, режиссер Сюй Кунь, — сбивчиво пробормотал он.

Направившись прочь, он свернул в самый глухой угол съемочной площадки.

Озираясь как вор, он скользнул за раскидистое дерево.

За это время телефон успел смолкнуть и зазвонить вновь — настойчиво, словно набат. Убедившись, что поблизости ни души, Тан Ли дрожащими пальцами принял вызов.

Едва соединение установилось, из динамика обрушился яростный, лишенный всякого приличия крик:

— Блять, Тан Ли! Охерел совсем?! Если тебе надоело в этой индустрии крутиться, так и скажи! Какого хера ты полез к молодому господину Е, а я теперь должен твоё дерьмо разгребать?! Ты мне проблемы на ровном месте создаешь, ублюдок!

Тан Ли окаменел, в его глазах вспыхнула чистая ненависть. Однако ему пришлось нацепить фальшивую улыбку и заговорить привычным капризно-ласковым тоном.

— Господин Цинь, о чем вы говорите? Я решительно ничего не понимаю.

Цинь Цзяньцзэ чуть не задохнулся от ярости:

— Твою мать, прекращай ломать комедию! Только не говори, что ты не знал, чей человек Фан Дунсуй! Это же подстилка господина Е! Ты в последнее время так усердно гадил Фан Дунсую, думаешь, я не знаю обо всех твоих фокусах? Спустить на него фанатов Ся Аня — твоих рук дело, так? И ко мне ты прибежал просить, чтобы я заблокировал официальное опровержение от шоу! Блять, каким же я был слепцом, раз связался с таким сказочным дебилом! Только что господин Е лично набрал мой номер и велел прибраться в собственном доме. Так вот, Тан Ли, с этой секунды забудь дорогу ко мне. Черт! Из-за тебя сам по уши в дерьме вымазался!

У Тан Ли земля ушла из-под ног, лицо его мгновенно побелело.

Он прекрасно знал, кто такой Цинь Цзяньцзэ. Влиятельный пекинский девелопер хоть и не входил в высший свет, но в последние годы из кожи вон лез, чтобы туда пробиться, и уже успел заручиться поддержкой нескольких олигархов. С Тан Ли он всегда общался мягко и вальяжно. Молодой актер никогда еще не видел его в таком бешенстве.

Губы Тан Ли задрожали:

— Го-господин Е...?

— Ты действительно не знал? — в голосе Цинь Цзяньцзэ сквозило отвращение, словно он говорил с умственно отсталым. — Это старший внук семьи Е из Юйчуаня! В Пекине по пальцам можно пересчитать людей, готовых перейти им дорогу. Кого угодно мог задеть, кретин, но полез именно к человеку господина Е!

Тан Ли похолодел, его глаза округлились от шока.

— Вы... вы имеете в виду Киноимператора Е?

Семья Е из Юйчуаня оставалась единственной вековой династией Пекина, которая по сей день процветала и в крупном бизнесе, и в сфере искусства. Все их наследники были элитой из элит. Тан Ли слышал о них лишь краем уха и, конечно, никогда не надеялся соприкоснуться с этим миром лично. Впрочем, быстро оправившись от шока, он хитро прищурился и вкрадчиво прошептал:

— Господин Цинь... неужели Киноимператор Е действительно...?

Цинь Цзяньцзэ мгновенно раскусил его намерения. Помолчав секунду, он глухо, со зловещей угрозой в голосе произнес:

— Я тут из кожи вон лезу, чтобы хоть как-то подобраться к семье Е, а ты уже новые схемы крутишь? Предупреждаю: если посмеешь хоть заикнуться в сети о происхождении господина Е, пеняй на себя. Забудь о былых временах — я лично сотру тебя в порошок и закрою все дороги в шоу-бизнесе!

Тан Ли задрожал всем телом и испуганно пролепетал:

— Как я могу... Я бы не посмел.

— И с делами Фан Дунсуя разбирайся сам... Тьфу, блять, ну и дерьмо! — Собеседник еще несколько раз грязно выругался и, выплеснув остатки злости, бросил трубку.

Тан Ли стоял неподвижно, его лицо было белым от ярости, а челюсти сжаты до боли.

Спустя пару минут его взгляд налился злобой, и он прошипел вслед умолкшему экрану:

— Старый ублюдок.

Неподалеку уже начали раздавать ужин. Заметив, как из гримерной один за другим выходят Е Ван и Фан Дунсуй, Тан Ли помрачнел, но затем на его губах зазмеилась странная улыбка.

— Семья Е из Юйчуаня... — прошептал он себе под нос.

Ужин раздавали около шести вечера. Небо еще не потемнело, и закатное солнце мягко подсвечивало кроны деревьев, отбрасывая дрожащие тени. Час ужина всегда был самым долгожданным моментом съемочного дня. Стоило режиссеру объявить перерыв, как напряжение спало, позволяя людям стряхнуть усталость. Эта короткая передышка была жизненно необходима перед долгой ночной работой.

Сегодня предстояло отснять несколько ночных сцен, поэтому на площадке оставались почти все. Очередь за коробками с едой росла на глазах. У Фан Дунсуя не было личного ассистента, так что он сам поспешил занять место.

Е Ван и Пу Сяоин неторопливо пристроились следом.

Пу Сяоин лишь беззвучно вздыхал.

«Завтрак и обед я приносил ему сам. С чего вдруг к вечеру Брат Е решил лично постоять в очереди? Выглядит это чертовски подозрительно».

Откуда вдруг столько рвения?

«Да сдалась ему эта еда. Он просто на Фан Дунсуя облизывается».

У Пу Сяоина уже не хватало духу смотреть на одухотворенное лицо своего босса.

Пока ассистент предавался меланхолии, стоявший чуть впереди Фан Дунсуй тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Е Ван молча выстроился за его спиной, храня загадочное молчание, что создавало изрядную неловкость. Ему-то статус позволял молчать, но если Дунсуй продолжит игнорировать старшего коллегу, это сочтут за грубость.

Нельзя же сначала признать в нем наставника, а спустя пару часов сделать вид, будто они не знакомы.

Фан Дунсуй покосился на длинный хвост очереди и, полуразвернувшись, ослепительно улыбнулся.

— Какая встреча, господин Е.

Услышав это обращение, Е Ван приподнял бровь и благосклонно кивнул, принимая приветствие.

Кормили на съемках отлично. Прижимая к себе теплый ланч-бокс, Фан Дунсуй уже нацелился на свой привычный укромный уголок на краю площадки, но не успел сделать и пары шагов, как Е Ван мягко увлек его в сторону актерской зоны.

Комната отдыха была скромной — обычная пустующая комната в доме неподалеку от площадки. Посреди нее стоял длинный стол, окруженный удобными раскладными стульями. Поскольку фильм «Яцзы» был ориентирован на мужской состав, у исполнительницы главной женской роли, блистательной Тан Цзя, экранного времени было немного. В эти дни съемок у нее не намечалось, и она уехала по другим делам, так что в комнате обычно отдыхали лишь Е Ван да пара заслуженных ветеранов сцены.

Формально комната была общей, но актеры второго плана сюда почти не заглядывали. Во-первых, у каждого имелась своя гримерка, во-вторых, из чистого уважения к авторитетам никто не желал навязываться, чтобы не прослыть выскочкой, пытающимся примазаться к чужой славе.

Приведя Фан Дунсуя в тепло, Е Ван усадил его за стол.

— На улице холодно. Отныне обедай здесь, — скомандовал он и после секундной паузы добавил, словно оправдываясь: — Твой отец очень просил меня присмотреть за тобой на площадке.

Если первая заботливая фраза звучала вполне логично — на улице действительно стоял жуткий холод, — то от последней Фан Дунсуй слегка растерялся. Звучало это как-то подозрительно. С какой стати его строгий отец стал бы просить о подобном одолжении самого Е Вана?

Подивившись про себя, юноша не подал виду и лишь самым искренним тоном поблагодарил Киноимператора за заботу.

— Ешь быстрее, сегодня мы закончим глубокой ночью, — Е Ван изящно кивнул.

Фан Дунсуй изобразил крайнюю признательность и без лишних церемоний принялся за еду.

Сидевший по другую сторону стола Пу Сяоин яростно уплетал рис, мечтая провалиться сквозь землю, лишь бы не присутствовать при этой молчаливой раздаче любовной патоки.

«И ведь как прикрываются! «Наставник и подопечный», чинно и благородно, комар носа не подточит. А сами под этой благовидной вывеской вовсю кокетничают».

Быстро расправившись с порцией, ассистент исподтишка разглядывал лица парней. Со стороны все виделось куда яснее. Неужели его грозный босс до сих пор сам не понял, что по уши втрескался?

Еще перед началом съемок Е Ван уверял, будто Фан Дунсуй просто кажется ему забавным. Неужели шутки кончились и началась стадия трогательной опеки? Или же... Взгляд Пу Сяоина стал совсем нескромным. Он задумчиво потер подбородок и заговорщически ухмыльнулся.

«Наставник и его послушный ученик... Хм, а в этом определенно что-то есть».

«Кто бы мог подумать, что у Брата Е такие специфические вкусы».

«С виду чистый джентльмен, а на деле — волк в овечьей шкуре».

[Изящный_мерзавец.gif]

Чем больше Пу Сяоин размышлял, тем сильнее убеждался: Е Ван окончательно потерял голову от любви. В его воображении внезапно пронеслась яркая картина: пресс-конференция спустя пару лет, когда их тайная связь наконец всплывет наружу...

Какая-нибудь элегантная журналистка непременно поймает его, единственного свидетеля, за кулисами:

— Все говорят, что Киноимператор Е так нежно заботится о Фан Дунсуе исключительно как о своем младшем коллеге. Что вы думаете по этому поводу?

А он лишь криво усмехнется в ответ:

— Ну конечно. Мне, как одиночке со стажем, не дано постичь столь тонкие платонические чувства.

Журналистка непременно проявит настойчивость:

— О, расскажите, пожалуйста, подробнее!

И тогда он с каменным лицом выдаст:

— Ну смотрите, уважаемая. Представьте, что вы — глубоко пожилая дама, и у вас есть прелестный юный племянник. Стали бы вы круглые сутки трястись над ним, гадая, не замерз ли он, не голоден ли, и не обидел ли его какой-нибудь дурак? Стали бы вы страдать бессонницей и терять аппетит из-за того, что он вам не улыбнулся, а потом посреди ночи ломиться к нему в номер с «проверкой»? Поехали бы вы ради него на дурацкое реалити-шоу, чтобы вместе гримироваться, обедать и стоять в очередях? Да вы бы даже...

И потрясенная журналистка лишь пискнет:

— Вопросов больше не имею.

Чуть не плача от собственной буйной фантазии, Пу Сяоин стряхнул наваждение и ласково, во все тридцать два зуба, улыбнулся сидевшей перед ним парочке «небожителей», которые как ни в чем не бывало продолжали чинно ужинать.

<http://bllate.org/book/18316/1963478>